Кирилл Константинович ФУРСОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС ВРАЖДЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОВОКАЦИИ В БУЧЕ 2022 ГОДА: СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматривается структурно-коммуникативный подход к политическому медиадискурсу вражды – информационной провокации в Буче во время специальной военной операции России на Украине в 2022 году. В структуру медиадискурса входят жанры аналитической публицистики, описание автора и целей публикации, коммуникативные стратегии, лексика и стилистические приёмы, манипулятивные технологии, контекст и невербальные элементы. Структурно-коммуникативный подход позволил описать масштабную информационную кампанию англоязычной прессы по коммуникативной стратегии демонизации России и дискредитации российской армии. Политический медиадискурс вражды коллективного Запада помог создать глобальное негативное общественное мнение против России и помешать мирным переговорам России и Украины.

Ключевые слова: *политический медиадискурс вражды, структурно-коммуникативный поход, информационная провокация в Буче, образ врага.*

Kirill K. FURSOV

POLITICAL MEDIA DISCOURSE OF HOSTILITY AND INFORMATION PROVOCATION IN BUCHA 2022: A STRUCTURAL AND COMMUNICATIVE APPROACH

The article deals with the structural and communicative approach of the political media discourse of enmity to the informational provocation in Bucha during the Russian special military operation in Ukraine in 2022. The structure of the media discourse includes genres of analytical journalism, a description of the author and the goals of the publication, communication strategies, vocabulary and stylistic devices, manipulative technologies, context and non-verbal elements. The structural and communicative approach allowed us to describe a large-scale information campaign of the English-language press on the communicative strategy of demonizing Russia and discrediting the Russian army. The political media discourse of the enmity of the collective West has helped create a global negative public opinion against Russia and hinder the peace talks between Russia and Ukraine.

Key words: *political media discourse of enmity, structural-communicative approach, informational provocation in Bucha, image of the enemy.*

Военно-политическое противостояние России и стран Запада находит своё отражение в коммуникативной сфере. Ярким примером такого события в рамках специальной военной операции России на Украине стала информационная провокация в Буче в апреле 2022 года. Обвинение российской армии в военных преступлениях стало частью политического медиадискурса вражды коллективного Запада, который наиболее удачно можно описать при помощи структурно-коммуникативного анализа англоязычных медиаисточников. В качестве примера были взяты 25 статей изданий, которые можно причислить к глобальному либеральному мейнстриму масс-медиа: The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today, The Guardian, Daily Mail, The Financial Times, The Independent.

В данной статье политический медиадискурс вражды понимается как властный ресурс по формированию виртуальной политической реальности в условиях борьбы за доминирование определённых способов представления в массовом сознании политических медиаобразов происходящих событий на основе модели дихотомии «свой» - «чужой» с использованием манипулятивных технологий и экспрессивных риторических средств. В период проведения «специальной военной операции» России на Украине на фоне множества событий англоязычные масс-медиа развернули вокруг событий в Буче широкомасштабную информационную кампанию. Из-за концентрации внимания мировой прессы на обвинении России на фоне других событий можно считать ситуацию в Буче информационной провокацией.

Политический медиадискурс вражды как сложная коммуникативная система наиболее эффективно раскрывается на структурном уровне. К параметрам анализа относятся жанр аналитической публицистики, субъект публикации, цель, выбор событий, коммуникативные стратегии, лексика, лингвистические средства и манипулятивные приёмы, контекст, невербальные элементы (Фурсов 2020: 74-87). Признаками медиадискурса вражды являются: коммуникативные стратегии противопоставления, дискредитации, демонизации и дегуманизации противника; выделение противостоящих групп; наличие побудительных конструкций к врагу; использование рядов агональных терминов и концептов; наличие экспрессивных средств, враждебных убеждений и ограничение доступа для источников с альтернативными точками зрения. Влияние политического

медиадискурса вражды достигается за счёт связности элементов, комплексности использования различных стилистических средств и манипулятивных приёмов.

Все рассмотренные публикации о событиях в Буче 4-30 марта 2022 года пришлись на апрель-май 2022 года. Наиболее активный выпуск пришёлся в первые дни событий – 2-4 апреля 2022 года. Срок продолжения информационной кампании составил два месяца – апрель-май 2022 года. Авторами публикаций выступали исключительно журналисты. Использовались жанры аналитической статьи, жанр обвинения, журналистского расследования. Большинство статей относились к жанру обвинения. Специфика этого жанра оказалась в многочисленности обвинителей. Классическим примером обвинения выступила статья The Financial Times *Retreating Russian troops leave trail of carnage on Kyiv's outskirts («Отступающие российские войска оставляют следы бойни на подступах к Киеву»)* (The Financial Times, 02.04.2022). Для привлечения внимания и сбора доказательств «военных преступлений» российской армии издания The New York Times и Reuters использовали жанр журналистского расследования. В качестве сведений -доказательств использовались данные украинских правоохранительных органов, собственные показания свидетелей событий и оставленные российскими военными предметы – карты, списки военнослужащих. В качестве доказательств использовались видеозаписи. Вывод авторов носил вероятностный характер – расстрел мирных граждан со стороны российской армии мог быть запланированным и выполняться по приказу со стороны командования. Данный жанр должен был поддержать внимание к теме, когда широкий интерес к теме пропал.

Целями сетевых публикаций прессы выступали обвинение российской армии в убийстве, пытках и изнасиловании мирных граждан города Бучи; дискредитация официальной позиции России по несогласию с обвинениями; убеждение политического руководства стран Запада выделить Украине больше вооружений. Данные цели соответствуют коммуникативной стратегии политического медиадискурса вражды по дегуманизации российской армии и демонизации России. Коммуникативная система образов провокации в Буче построена по модели «свой» - «чужой». События в Буче описывались при помощи ярлыков: как *Бучинская резня (Bucha massacre), «геноцид» («genocide»),* а действия России – как *месячная оккупация Россией (Russia's month-long occupation), российское*

вторжение (the Russian invasion), вторжение В. Путина (Vladimir Putin's invasion), терроризм («terrorism»). Пострадавшие от действий российской армии определялись понятиями *граждане (civilians), жертвы (the victims).* Обвинителями выступили украинские власти, страны Запада, международные структуры – НАТО, ЕС, Международный уголовный суд, Совет Европы. Доминирующей в медиадискурсе оказалась военная и криминальная лексика, а наиболее используемыми стали понятия *«genocide» («геноцид»), war crimes (военные преступления), atrocities (зверства).* Инициатором обозначения действий российской армии как «геноцида» стал президент Украины В. Зеленский. Наиболее часто в медиадискурсе использовалась военная, криминальная, судебно-правовая, дипломатическая лексика и слова-описания военно-политических состояний.

В качестве экспрессивных средств использовались метафора, антитеза, эпитеты, экспрессивные обороты, кавычки переносного значения, сравнение. Из наиболее агрессивных приёмов применялся инвектив. Метафора позволила создать изображение трагедии в Буче как «конца света»: *a «21st century hell» («ад XXI века»), evil (зло), apocalyptic scenes (апокалипсические сцены), the atrocities (зверства), Putin's barbarity (путинское варварство), «smell of death» («запах смерти»).* Для описания российских солдат использовались зооморфная метафора.

Обязательным стилистическим средством политического медиадискурса вражды является антитеза. Она использовалась для создания агональных образов сторон. Данный приём требуется для демонстрации угрозы со стороны России, чтобы показать нереализованность плана «молниеносной победы» российской армии, противопоставить отрицание убийств мирных граждан собранными доказательствами. Также её использовали ради того, чтобы показать: гибель гражданских лиц была неслучайной; для противопоставления цели России и реальных результатов; для создания героизма украинской армии.

Russia has repeatedly claimed, without proof, that Ukraine has staged such atrocities, but the Kremlin line is starkly contradicted by conditions on the ground and ample evidence of Russian attacks on civilian targets. (Россия неоднократно бездоказательно заявляла, что Украина устроила такие зверства, но линия Кремля резко противоречит условиям на местах и многочисленным свидетельствам атак России

на гражданские объекты) (The Guardian, 03.04.2022).

Основная роль используемых эпитетов заключалась в создании ужаса перед российской армией и в сочувствии погибшим жертвам, что относится к суггестивной функции политического медиадискурса вражды. Наиболее частым определением в медиадискурсе стало слово «ужасный». Примеры эпитетов: *silent, eerie scene (тихая, жуткая сцена), the brutal reality of horrific war crimes (жестокая реальность ужасных военных преступлений), the horrific human suffering in Bucha (ужасные человеческие страдания в Буче), horrifying accounts of torture and rape (ужасающие свидетельства пыток и изнасилований), the violence seemed cynical (насилие выглядело циничным) и т.д.* Использовались эпитеты, характеризующие в негативном свете официальную позицию России: *the extreme propaganda the Kremlin (экстремальная пропаганда Кремля), the most bizarre claims (самые странные заявления).* Также использовалось противопоставление режимов в России и Украине: *a vibrant democracy (энергичная демократия), a pariah state (государство-изгой).*

Экспрессивные обороты в медиадискурсе применялись, чтобы вызвать сострадание к жертвам расстрелов; чтобы создать угрозу со стороны России для Запада и для дегуманизации её армии. Экспрессивный оборот включал в себя разнообразные стилистические средства: сравнение, градацию, эпитеты, синтаксический параллелизм, повтор, эпифору. Суггестивная функция экспрессивных оборотов позволяла создать для читателей атмосферу трагизма существования жителей Бучи в период нахождения там российских солдат.

Ukrainian president Volodymyr Zelensky previously described the scene in Bucha as evidence of «genocide» and «war crimes», with dead bodies «having been found in barrels, basements, strangled, tortured». (Президент Украины Владимир Зеленский ранее охарактеризовал сцену в Буче как свидетельство «геноцида» и «военных преступлений», где трупы были «найдены в бочках, подвалах, задушенными и замученными».) (Daily Mail, 04.04.2022)

Кавычки переносного значения в англоязычном медиадискурсе нужны для создания негативной коннотации публичной позиции России. Из-за большого количества обвинений данных приёмов стало меньше: *a «provocation» («провокация»), «another staged performance by the Kyiv regime» («инсценировка киевского режима»), «fakes» («фейки»), «denazification» («денацификация»), «all russian units withdrew completely from Bucha» («все российские подразделения*

полностью покинули Бучу»). Неуверенность в формулировке понятия «геноцид» В. Зеленского требовала использования кавычек.

Активно в публикациях использовалось сравнение. Происходило сравнение российских солдат с животными, России с ИГИЛ, расстрела мирных граждан в Буче с трагедией в Сребренице, фильмом ужасов, варварством. Для добавления эмоциональности использовалась оскорбительная лексика с приёмом эвфемизации – тире: *Are you f—ing crazy? (Ты с ума сошёл?), None of these b------s will avoid responsibility (Ни один из ублюдков не уйдёт от ответственности), «F**k the Ukies» («К чёрту укры»).*

Среди приёмов воздействия центральное место занимало большое количество свидетельских показаний жертв насилия со стороны российской армии (приём простонародья) и технология импринтинга – использование фотографий, карт, спутниковых снимков, видеозаписей, радиоперехватов для создания впечатления того, что российская армия занималась убийством мирных жителей в Буче. Среди них была видеографика нахождения российской военной техники в Буче во дворах граждан и сопровождение членов группы территориальной самообороны Украины российскими солдатами; по этой истории всё закончилось расстрелом. В англоязычном медиадискурсе широко применялись обвинительные цитаты западных и украинских политиков.

Публикации прессы США и Великобритании отражали сформировавшиеся убеждения в форме идеологических клише, которые отражали обвинительный уклон в сторону России. Приведём примеры некоторых из них: «российская армия совершает убийство и насилие над мирными гражданами»; «действия России являются военным преступлением, геноцидом, терроризмом»; «убийство мирных граждан в Буче – преднамеренный план со стороны России»; «русские стремятся уничтожить как можно больше украинцев»; «сексуальное насилие против женщин является военным инструментом России»; «Россия считает доказательства убийств мирных граждан российской армией в Буче выдуманными, пропаганда создаёт в обществе ложное представление о событиях на Украине» и т.д.

Не обошлись публикации прессы без классических приёмов образа врага и наклеивания ярлыков. Этическая оценка восприятия страны обозначала, что она распространяет зло. Цель России – подчинение Украины. В. Путин – виновник в развязывании войны. В армии воюют агрессивные солдаты из депрессивных регионов России. Особо

отмечалась жестокость со стороны военных Чечни. Такие образы активно поддерживали ярлыки России, как страны-изгоя, российской армии – оккупантов, насильников, «мясников Бучи», животных. Действия российской армии назывались зверством, «военным преступлением», геноцидом. Ситуация в Буче называлась резнёй, «Новой Сребреницей».

Дискурс памяти для демонизации России чаще всего применял сравнение России с практиками нацистских преступлений и историей геноцида сербов по отношению к боснийским мусульманам в Сребренице в 1995 году. Также приводились примеры агрессивности российских солдат во время войны в Чечне в 1999-2000 годах. Использовались фейковые приёмы в публикациях прессы, когда связанность рук погибших белой лентой на фотографиях обозначала признаки пыток с российской стороны. Тема сексуального насилия женщин со стороны российских солдат через некоторое время была опровергнута. Цель такого приёма заключалась в поддержке Украины со стороны Запада для поставок военной техники.

Политический медиадискурс вражды информационной провокации в Буче имел самые различные контексты: событийный, военный, исторический, географический, идеологический, психологический, экономический, дипломатический, правовой и символический контекст. Данные контексты должны были подчёркивать агрессивность России. Например, страны Запада настроены вводить против России жёсткие экономические санкции, Международный уголовный суд собирает доказательства для подготовки обвинения против России в военных преступлениях, а пули флэшетты используются в качестве неизбирательного оружия против мирных граждан.

Среди невербальных элементов чаще всего использовался приём натурализации, обозначавший жертв в печальном и трагическом виде, чтобы вызвать жалость и сочувствие. Использовались фотографии трупов, похорон погибших и братских могил. Фотографии и видеозаписи с погибшими на улицах города стали информационным поводом, который спровоцировал широкомасштабную информационную кампанию, которая завершилась прекращением мирных переговоров между делегациями Украины и России. В дальнейшем использовалась инфографика описания мест того, где находились российские военные в Буче и где были найдены погибшие. Аудиовизуальные и графические элементы должны были выступить дополнительным аргументом в

виновности российской армии.

Политический медиадискурс вражды информационной провокации в Буче показал свою эффективность. Проведённые опросы весной 2022 года показали, что 53% респондентов в США назвали Россию врагом (The Economist/YouGov Poll, 2-5.04.2022), а в 42 из 53 крупных стран мира сложилось негативное отношение к России (Коммерсант, 1.06.2022). Широкомасштабная информационная кампания за счёт комплексности приёмов и целенаправленного создания образа России как страны-изгоя и образной картины «конца света» в Буче помогли не только усилить негатив глобального общественного мнения, но и сорвать мирные переговоры между конфликтующими сторонами. Данные выводы стали возможны благодаря использованию структурно-коммуникативного подхода в описании политического медиадискурса вражды.

Список литературы

Не разрываются любя // Коммерсант. 1.06.2022. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5381033 (дата обращения 19.06.2022г.).

Фурсов К. К. Современные массмедиа о событиях Второй мировой войны: структурный анализ дискурса вражды // Дискурс-Пи. 2020. № 3 (40). С. 74–87.

Bunyan B., Pleasance C. Zelensky says he finds it «difficult to talk» as he surveys Bucha // Daily Mail, 4.04.2022. (Электронный ресурс). – Режим доступа: https://www.dailymail.co.uk/news/article-10684331/Emotional-Zelensky-says-finds-difficult-talk-surveys-carnage-Bucha.html (дата обращения 08.06.2022).

Olearchyk R., Schipani A., Reed J. Retreating russian troops leave trail of carnage on Kyiv's outskirts // The Financial Times, 02.04.2022. (Электронный ресурс). – Режим доступа: https://www.ft.com/content/3bb2ce56-ae93-48c8-ba89-40aec21cb6aa (дата обращения 06.06.2022).

Rankin J., Boffey D. Killing of civilians in Bucha and Kyiv condemned as «terrible war crime» // The Guardian, 03.04.2022. (Электронный ресурс). – Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2022/apr/03/eu-leaders-condemn-killing-of-unarmed-civilians-in-bucha-and-kyiv (дата обращения 06.06.2022).

The Economist/YouGov Poll April 2 - 5, 2022 - 1500 U.S. Adult Citizens. – 05.04.2022. (Электронный ресурс) – Режим доступа: https://docs.cdn.yougov.com/sjgq52uivh/econTabReport.pdf#page=16 (дата обращения 19.06.2022г.).

ФУРСОВ Кирилл Константинович – аспирант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, biathlon91@mail.ru